

УДК 82

ШВЕДСКИЙ «НАРОДНЫЙ ДОМ» (FOLKHEM) К НАЧАЛУ XXI ВЕКА: ТРИЛОГИЯ С. ЛАРССОНА «МИЛЛЕНИУМ»¹

© 2014 г.

Д.В. Кобленкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

dvmk@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.07.2014

Рассматривается трилогия С. Ларссона с точки зрения подведения в ней итогов построения в Швеции социальной системы, известной как «народный дом». Среди главных проблем XX века писатель называл проблему нацизма, гендерное перераспределение ролей и крах национальной идеи, высказанной в конце 20-х годов и служившей на протяжении нескольких десятилетий основой государственной доктрины. Исключительное значение Ларссон придавал деятельности леворадикальных журналистских изданий, задачу которых видел в этической и политической корректировке выбранного Швецией курса.

Ключевые слова: шведская литература, Стиг Ларссон, трилогия «Миллениум», идентичность, «народный дом».

В начале XXI века вышли три части цикла С. Ларссона «Миллениум». Романы вызвали сенсационный интерес, поскольку автор-журналист облёк в детективную форму леворадикальное повествование об итогах построения в Швеции социальной системы, известной как «народный дом». Поскольку Стиг Ларссон (Stieg Larsson, 1954–2004) был журналистом леворадикального толка, то вопросы, отражённые им в цикле романов «Миллениум», носят преимущественно социально-политический характер, хотя по жанру тексты строятся в популярной шведской манере детектива и криминальной драмы с элементами психологического, социального, этического романов. Можно говорить и об элементах роуд-мэри, т.е. путешествия, в процессе которого происходит духовное развитие персонажей. Наряду с этим Ларссон задумывал произведение как своеобразный сиквел к литературным сказкам Астрид Линдгрэн, которая всегда занимала независимую позицию и позволяла себе иронизировать по отношению к крайностям шведской системы.

В свою трилогию Ларссон «перенёс» двух героев Линдгрэн. Одним из них оказался сыщик Калле Блюмквист, послуживший прототипом Микаэля Блумквиста, журналиста оппозиционного издательства «Миллениум». Название

журнала стало символом всего цикла, что позволило писателю актуализировать мысль о роли свободной прессы как последнего прибежища идеалистов в момент перехода шведской нации в новое тысячелетие. Исключительной удачей Ларссона стал образ Лисбет Саландер, в которой он видел современную Пеппи Длинныйчулок. Некогда Астрид Линдгрэн говорила о своей героине, что это «сверхчеловек в образе ребёнка». В условиях феминизации общества Ларссон именно в ней «усмотрел» новую героиню эпохи.

В идейном плане «Миллениум» задумывался как тетралогия о конце XX века, об итогах пройденного Швецией пути. Поскольку романы имели обобщающий характер и были написаны шведом о своей стране, в них отражены, прежде всего, автостереотипы. Но Ларссон пытался дистанцироваться от прямого воспроизведения базовых проблем шведского общества и показывал текучесть национальных стереотипов в государстве всеобщего благоденствия.

В исследованиях по проблеме шведской идентичности утверждается, что ключевым для шведов является понятие «современности»: люди убеждены, что Швеция – современная страна, передовая, развитая, рационально организованная, что шведы не цепляются за прошлое, не зависят от традиционного образа мыслей, не верят в иррациональные идеи. Главные принципы её политики – справедливость и социальная защита. На других они смотрят, как на самих себя в прошлом со словами «И мы когда-то были такими же...», видя в чужих культурах

¹ Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

некоторую отсталость, т.е. несправедливость, догматизм, ненаучность, негуманность и прочее [1; 2, с. 117].

Они отмечают у себя свободолюбие и независимость, миролюбие, стремление избегать конфликтов, чувство принадлежности к авангарду; в то же время признают факт американизации и влияния американской масс-культуры; из психологических качеств отмечают молчаливость, серьёзность, угрюмость, любовь к природе [1; 2]. К социальным стереотипам относится их убеждённость в том, что Швеция – это «дом для народа», к политическим – правильность выбранной позиции нейтралитета во Второй мировой войне. Отчасти это связано с тем, что историческое «великодержавие» трансформировалось в сознании нации в «моральное» великодержавие, уверенность в превосходстве и правильности выбранного «третьего» пути, понимания Швеции как моральной империи, «совести мира» [1; 2, с. 117]. Несмотря на долю самокритики, в автостереотипе подчёркивается не просто самобытность, но и уникальность характерных качеств шведов.

Если следовать фактам, то начало «третьего пути» датируется 1928 годом, когда лидер социал-демократов Пер Альбин Ханссон в дебатах высказал идею создания такой Швеции, которая была бы «хорошим народным домом, где все бы заботились друг о друге» [3, с. 377, 387]. Он хотел сломать барьеры, разделяющие привилегированные и неимущие слои населения, но не путём национализации, а путём реформирования социальной структуры за счёт особой системы налогов. Идея «народного дома» как общего дома, где всё построено на равенстве прав и обязанностей, стала одним из наиболее часто используемых в политических дискуссиях. Сначала образ «дома» был лишь метафорой и не имел под собой конкретной программы, т.е. идея не была доктриной. Но она была воспринята как цель, к которой стоит стремиться [3]. К созданию такого «дома для народа» социал-демократы шли на протяжении полувека, большую часть которого они были у власти [4].

Основу благосостояния Швеции в итоге составило перераспределение средств в пользу малоимущих. Это было возможно при большом налоге, которым облагались абсолютно все. Государство составляло бюджет, из которого затем брались средства для создания новых рабочих мест, так как в этом новом доме каждый должен был иметь работу и в то же время каждый работающий был обязан стать налогоплательщиком. По этой причине т.н. линия труда была приоритетной перед политикой выплаты

пособий по безработице. Идеалом Швеции становится добросовестный работник и в то же время – добросовестный налогоплательщик [4]. Философия правильно выбранного пути внушалась на ранних стадиях, поэтому каждый швед знал, что он должен заботиться о других, помогать бедным и честно отдавать государству почти треть своей заработной платы. Социальная политика подпитывалась отчасти христианской доктриной – о необходимости сострадать ближнему и делиться с ним.

Политика перераспределения доходов была названа политикой соучастия. Поскольку шведы не отказались от частной собственности, но привнесли новые принципы управления экономикой, то этот период активного вмешательства государства в рыночные отношения был назван «народным капитализмом» [5, с. 21]. Существуют исследования о том, кому вне Швеции принадлежат идеи новой социальной программы. Среди основных идеологов называют экономиста из Великобритании Джона Мейнарда Кейнса, который считал, что экономика не должна зависеть от фатума, государство должно вмешиваться и перераспределять доход. В Германии «наиболее важным считают английского социально-либерального чиновника У. Бевериджа с его планом, разработанным во время войны. Шведские социал-демократы оказались первыми в реализации этой политики среди других стран Северной Европы и приблизительно одновременно с правительством Народного фронта во Франции. При этом только шведы имели возможность продолжить свою политику во время войны» [5, с. 22], прежде всего, в области социального страхования и здравоохранения.

Создание механизма *государственного соучастия* стало общей социал-демократической политикой в этих странах. Пиком успеха шведской модели стал период с 1950-го по 1965-ый годы.

Так, одной из точек опоры, на которых держится шведское общество, является обязанность платить колоссальный налог. В первой части «Миллениума» [6; 7] отказ крупных промышленников Харальда Вангера и коррупционного Веннерстрёма от уплаты воспринимается не только как экономическое преступление, но, прежде всего, как нарушение моральное, т.е. как предательство идеологии государства, фактически сакральной заповеди. Вторая часть трилогии [8; 9] показывает, что для Швеции проблема налогообложения важнее, чем торговля оружием или поставка секс-рабынь из Восточной Европы. Это мотивируется тем, что,

помимо стабильности системы внутри страны, бездефицитный бюджет увеличивал амбиции государства на внешнеполитической арене. Т.е. Ларссон укрупнил проблему не случайно. Он показал, как крупный промышленный капитал к началу XXI века устраняется от выплат, переводя активы в безналоговые зоны. Научные работы подтверждают, что существование подобных концернов, которые описал Ларссон, привело к кризису социальной системы, оказавшейся в замкнутом круге. Сначала частный сектор устранялся от налогообложения и приводил к дефициту бюджета, затем государство утрачивало возможность поддерживать неконкурентоспособные отрасли. Пиком кризиса явились продажи «Вольво» Китаю и «Сааба» Нидерландам [10].

Как известно, постоянно создавались разные типы налогов. Было множество дискуссий о том, все ли должны платить одинаковый процент или он должен быть увеличен для высокооплачиваемых групп населения и предприятий. Ещё в 1947 году известный идеолог этой программы Эрнст Вигфорс был раскритикован за инициативу поднять налог для крупного капитала. В «народном доме», как это декларировалось, все должны были иметь равные права и обязанности: одинаковую платёжную ставку и одинаковое право на пенсию и различные виды страхования. Однако, если в период становления «шведской модели» выравнивание уровня жизни всё же проходило без крупных конфликтов, то к концу 60-х годов, когда система стала давать сбой и не перестала справляться с возникающими крупными корпорациями, налог на прибыль стал меняться. Кризис в этой сфере наступил в 1976 году, когда крупнейший режиссёр Швеции И. Бергман был задержан на репетиции в театре «Драматен» по подозрению в неуплате налогов, после чего вынужден был несколько лет прожить в эмиграции. В том же 1976 году разразился ещё более серьёзный скандал, так как А. Линдгрэн, приобретшая всемирную известность, должна была заплатить так называемый маргинальный налог на свой доход в 2 млн. крон, который составил 102 процента. Абсурд ситуации привёл к тому, что она написала сатирическую сказку в газету «Экспрессен» [11], что стало одной из причин поражения социал-демократов на выборах после 44 лет нахождения у власти.

В «Миллениуме» показано современное состояние налоговой доктрины, которая приводит к дестабилизации, утрате веры в государство, порождает агрессивные выбросы энергии, связанные с разочарованием в шведской модели и

соответственно «народного дома» как важнейшей составляющей всей шведской идеологии. В то же время шведские историки отмечают, что постепенное разрушение государственного контроля могло бы обрадовать тех, кто изначально видел в построении новой системы уравнивания опасность психологической стагнации [5].

Так, уже в 1946 году та же Линдгрэн, на идеи которой Ларссон не случайно опирался, в повести о сыщике Калле Блюмквисте писала: «В нашей стране некуда податься, всё топчется на месте» [12, с. 20]. К 1965 году шведская литература уже была переполнена пессимистическими текстами, в которых речь шла о потере индивидуальной свободы. В работе шведского историка Класа Омарка заявлена характерная дилемма: «Структурная «железная клетка» или победа среднего класса» [13]. Никто не ожидал такого депрессивного поворота. В прессе писали об опасности бюрократизации, параличе индивидуальной инициативы, бездушии социальной политики, стремлении к опекунству и прочему злу [5, с. 23], связанному с этой политикой государственного соучастия. Наиболее духовной части общества уже не хотелось обеспеченной стабильности. Хотелось иррационализма и свободы.

Само понятие «модель», «система» вызывали отторжение. Писатели находили разные метафоры для её отражения и мечтали о сломе этой системы, о появлении пассионарной личности, которая разрушила бы её изнутри. Приведу два примера из художественной литературы. Поздняя сказка А. Линдгрэн «Разграбление рождественской ёлки или хватай, что хочешь» обыгрывает мечту о хаотичном чувстве счастья, о возможности получить не столько, сколько регламентировано, а столько, сколько нужно для удовлетворения эмоции радости. В самом конце XX века М. Флорин написал роман «Сад», в котором «шведская модель» получила воплощение в образе сада Карла Линнея, создавшего его как идеальную завершённую систему. Однако в саду неожиданно появляется растение, не поддающееся классификации, и Линней называет его «уродец, чудовище», потому что оно мгновенно разрушает саму возможность существования такой модели. Мораль романа двойственна: система упорядочивает, но она и омертвляет. Да и сама возможность построения идеальной модели – утопия.

У Ларссона общество рубежа веков живёт в ожидании нового мессии, который спасёт его от однообразия жизни. Ситуация ухудшается тем, что экономические показатели уже в 70-ые годы изменились, стало происходить сращивание

социал-демократов с государством, а в финансовом плане Швеция вступила в неизбежную фазу так называемого корпоративного капитализма, сокращались ассигнования на социальные нужды, начала сокращаться система национального страхования. О последнем десятилетии XX века известный шведский историк Рольф Тоштендаль писал: «Политический опыт последнего десятилетия оказался трудным для большей части шведов. Независимо от политической принадлежности того или иного человека, многие с сожалением или раздражением отмечают крушение «шведской модели», значительное ослабление шведской кроны по отношению к другим западноевропейским валютам, маргинализацию Швеции в международных политических вопросах. На пороге 1990-х годов шведский опыт стал пугающим примером» [5, с. 26]. В этот период шведы впервые стали осознавать, что у них маленькая страна и что с потерей международного интереса к их социальной структуре Швеция превращается, по выражению Г. Оселиуса, в окраину Европы. Крушение «шведской модели», как и общей идеи построения «дома для народа», рассматривается Ларссоном в синтезе с целым рядом других внутренних проблем государства.

Так, ещё одной чертой шведского самосознания была убеждённость шведов в правильности политики нейтралитета во время Второй мировой войны. Позже в период «холодной войны» шведы вновь должны были выбрать между Востоком и Западом, но, боясь сделать неправильный вывод, напрямую не выбрали ни то, ни другое, ссылаясь на то, что у них свой третий путь. В первой части «Миллениума» Ларссон показывает, каково было истинное положение вещей. Он много занимался проблемой шведского нацизма, поскольку и сам факт двусмысленного в моральном отношении нейтралитета Швеции, и нарушение этого нейтралитета, связанного с продажей Германии железной руды и провозу по шведским железным дорогам немецких частей для переформирования дивизий, говорили о том, насколько проблемными были решения кабинета Ханссона, считавшего, что им нужно приспособиться к новому хозяину Европы. После войны, когда мир изменился и ветер подул в сторону США, многие шведы из бывших друзей Германии, по едкому замечанию друга Стига Ларссона, Яна-Эрика Петтерссона, «убрали портреты Гитлера подальше и записались на заочные курсы английского языка» [14, с. 96].

В первом романе трилогии изображены так называемые «перезимовавшие» шведские на-

цисты, каждый из которых входил в крупнейшие нацистские организации до и после войны. Харальд Вангер работал в институте евгеники, затем присоединился к движению Пера Энгдала «Новая Швеция»; Рикард Вангер изображён похожим на Ёсту Хальберга Куулу, которому принадлежит выражение: «Война – это достойное ремесло, если это война с русскими». Куула погиб в 1942 году на русской территории у реки Свирь и почитается как культовый герой шведского нацизма. Третий брат Грегер Вангер состоял в нацистской секте «Северная рейхспартия», которая с 1961 года устраивала в Стокгольме торжества в честь Карла XII. В этом контексте Петтерссон напоминает об ожесточённой дискуссии начала XX века между А. Стриндбергом и Р. Челленом, который культивировал образ Карла XII как национального лидера, против чего пылко выступал Стриндберг. Именно Челлен задолго до Ханссона использовал выражение «народный дом» (в других переводах «дом народа»), но его понимание этого же концепта было совершенно иным: он имел в виду метафизическое, политическое и этническое сплочение нации, которое привело его в дальнейшем к принятию нацизма [14].

Коллеги Ларссона утверждают, что тема «Швеция и нацизм» была для него одной из главных. Он занимался исследованием правого экстремизма и таким образом фактически дискредитировал идею о нейтралитете как пацифистском акте Швеции во время войны. Напротив, логика его романов и статей не оставляет сомнения в том, что он видел неискоренимую жажду власти у самых разных кругов населения и невозможность выхода этой агрессивной эмоции после войны, так как официально все неонацистские движения были запрещены. Это приводит, по его мысли, к проявлению патологии в разных иных формах. Так, именно в его цикле «Миллениум» тема нацизма как неудовлетворённого стремления к власти оказалась связанной с ещё одной важной темой для Швеции – гендерной политикой, борьбой полов. Первый роман из цикла «Миллениум» был переведён в США, а вслед за ними и в России как «Девушка с татуировкой дракона» [7], однако настоящее название романа «Мужчины, которые ненавидят женщин» [6]. Все три вышедших романа посвящены проблеме унижения женщин и презрения к ним со стороны мужчин. Ларссон, как и многие другие журналисты и историки, много писал о возможных причинах подобного положения вещей в сегодняшней феминистской Швеции.

Идея равенства, выдвинутая при строительстве «народного дома», помогла и женщинам. Они боролись за экономическую независимость, за выравнивание заработной платы с мужчинами, за отдельное налогообложение супругов и равные возможности для получения отпусков по уходу за ребёнком. Однако ещё в конце XIX века Стриндберг высказывал опасение, что женщины начнут паразитировать за счёт мужского интеллекта и их стремление к свободе приведёт не к равенству, а к новому неравенству, где женщины будут доминировать на фоне мужского инфантилизма. В Швеции, где идеология подталкивала к лояльности по отношению к женским амбициям, ситуация сложилась следующая: женщины заняли 72% мест в государственном секторе и только 22% в промышленности и 38% в секторе частных услуг. По мнению историков, это угрожает превратиться в главную ось социального конфликта в Швеции на современном этапе, так как мужчины, занятые в частном секторе, выступают против женщин, занятых в государственном секторе. Если раньше речь шла о коалиции разных партий, то сейчас говорят о том, что будущее социал-демократии в Швеции зависит от склонности разных полов к заключению союзов [4].

Одной из сенсационных тем «Миллениума» стало насилие над женщинами. Ларссон изобразил разные формы унижения женщин от сексуального насилия над ними в детских и исправительных учреждениях до патологических форм инцеста и ритуальных убийств. В ответ на критику, что он гипертрофировал ситуацию, писатель отвечал, что его расследования доказывают, что реальность ещё страшнее. Говоря о причинах ненависти шведских мужчин к женщинам как «классу», он утверждал, что причины не стоит искать в политике реформ, давших им такую свободу. По его убеждению, гендерный кризис является наследием авторитаризма, не исчезнувшего после Второй мировой войны. Т.е. Ларссон возвращается к своей основной теме, считая, что стремление к власти и злоупотребление ею на разных уровнях, не нашедшее выход во время войны, получило подобные извращённые формы к концу XX века.

Главной фигурой этих романов является Лисбет Саландер, та самая современная героиня Линдгрена в новом обличье. Её образ вызвал в Швеции невероятный позитивный отклик, которого не было долгие годы [15]. По этой реакции, по отзывам, статьям, сетевым блогам и по экранизациям, сделанным в Швеции, а затем и в США, можно сделать вывод, что Ларссоном

был создан новый герой эпохи, тот самый мессия нового времени, которого в Швеции ждали, очевидно, со времён Карла XII.

Новым идеалом стала девушка-гот, которая в детстве постоянно наблюдала за насилием отца над матерью, затем из мести облила его бензином и подожгла. Этим отцом является выходец из СССР, бывший сотрудник ГРУ, некто Салашенко. Если отбросить негатив, связанный с его «советским» происхождением, то новая героиня Швеции наполовину русская. Возможно, отсюда её скрытая духовность и право «переступить черту», которую не переступают шведы. Бунтующую Лисбет поместили в клинику для проблемных детей, где её в тринадцатилетнем возрасте подвергал насилию лечащий врач. После выхода из клиники ей был назначен опекун, юрист, который также был склонен к извращениям. Почти все мужчины, с которыми Саландер сталкивается воля писателя, проявляют к ней ненависть и совершают физическое насилие. Психологическое вырождение шведского мужского населения, по логике этой книги, становится новой чертой шведскости в современных условиях.

Итак, одной из характеристик Лисбет является её трагическое детство, которое делает её «униженной и оскорблённой». Кроме того, она из неимущих, что тоже вызывает в обществе сострадание к ней. Ещё в первом романе Блумквист говорит, что шведское общество по-прежнему не любит богатых. Но бедная Лисбет оказывается человеком поступка и становится «героем миссии», человеком, призванным в мир для его преображения. Здесь проявляются её сверхвозможности: владение оружием, гениальная память, хакерство мирового уровня. Важны её внешность и половая ориентация: облик и поведение Саландер говорят о том, что новым героем стала не женщина и не мужчина, им стал андрогин. Лисбет бисексуальна, сочетает в себе женские и мужские черты. У неё мужской тип ума, субтильная фигура подростка, принципиально короткая стрижка и чёрные (ни в коем случае не белые) волосы. Она самодостаточна, молчалива, сдержанна, но в глубине души, конечно, трепетна и, как говорит Блумквист, абсолютно моральна. Она начинает бороться с миром зла, с мужчинами, которые «не считают женщин за людей». Это доказывает, что доминанта в ней, безусловно, женская, подтверждаемая любовью к Блумквисту.

Во 2 и 3 [16; 17] частях Лисбет борется с государством и его институтами, стремящимися изолировать её, как опасную нарушительницу установленного канона. В этой борьбе Саландер

неоднократно совершает преступления, однако ключевыми можно считать слова Блумквиста о том, что она может нарушить юридический закон, но закон Божий – никогда. Так, общество связывает свои надежды с молодой бисексуальной женщиной, бедной и гонимой властью, но умной и способной на жёсткие меры. Её образ дал возможность Ларссону показать различные типы современного шведского феминизма: радикальный, материальный, лесбийский, либеральный. Как и её архетип, Длинный чулок, одинокая героиня Ларссона выстраивает свой свободный мир, но нравственный в своей основе.

В завершение ещё раз о жанре и «народном доме». Детективная литература «левого крыла» явно продолжает традиции социального детектива Швеции, образцы которого были созданы несколько десятилетий назад известной парой Май Шёваль и Пером Валё. Однако расцвет криминального жанра, причём крайне мрачного, с элементами чёрного рококо и неистового романтизма, имеет смысл воспринимать как отражение утраты национальной идеи, мечты об исключительности Швеции и возможности достижения идеального социального общества, т.е. в конечном счёте, с разрушением мифа о возможности создания «дома для народа».

Список литературы

1. Daun Å. Svensk mentalitet. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1989. 269 s.
2. Чеснокова Т.А. Шведская идентичность. Изменение национального менталитета. М.: РГГУ, 2008. 185 с.
3. Hadenius S., Nilsson T., Åselius G. Sveriges historia. Stockholm: Bonnier Alba, 1996. 448 s.
4. Мелин Я., Юхансон А., Хеденборг С. История Швеции. М.: Весь мир, 2002. 340 с.
5. Тоштендаль Р. Роль социал-демократии в развитии индустриального капитализма. Конец XIX–XX в. // Новая и новейшая история, 1997, № 2. С. 16–28.
6. Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm: MånPocket, 2005. 567 s.
7. Ларссон С. Девушка с татуировкой дракона / Пер. со шведск. А. Савицкой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. 624 с.
8. Larsson S. Flickan som lekte med elden. Stockholm: MånPocket, 2006. 631 s.
9. Ларссон С. Девушка, которая играла с огнём / Пер. со шведск. И.Стребловой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. 720 с.
10. Браун Э. Теряет ли Швеция свою «шведскость»? // Бернштейн Д., Кейзер де А., Хольмберг Д.-Г. Тайна «Девушки с татуировкой дракона» / Пер. с англ. В.Э. Волковского. М.: Эксмо, 2012. С. 207–212.
11. Lindgren A. Pomperipossa i Monismanien [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.expressen.se/noje/pomperipossa-i-monismanien/?print=true> (дата обращения 05.04.2014).
12. Линдгрэн А. Знаменитый сыщик Калле Блумквист. Пер. со шведск. Н. Городинской-Валлениус. М.: АСТ, 2008. 188 с.
13. Омарк К. Структурная «железная клетка» или победа среднего класса // Создавая социальную демократию. Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции. Под ред. К. Мисгельда, К. Мулина и К. Омарка. М.: Весь мир, 2001. С. 537–540.
14. Петтерссон Я.-Э. Стиг Ларссон. Человек, который ушёл слишком рано / Пер. со шведск. О. Боченковой, Ю. Колесовой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. 336 с.
15. Кобленкова Д.В. Тема индивидуальной свободы в шведском кинематографе // Мир шведской культуры. М.: РГГУ, 2013. С. 106–127.
16. Larsson S. Luftsloppet som sprändes. Stockholm: Norstedts, 2007. 704 s.
17. Ларссон С. Девушка, которая взрывала воздушные замки. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. 784 с.

SWEDISH «PEOPLE'S HOUSE» (FOLKHEM) AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: S. LARSSON'S TRILOGY «MILLENNIUM»

D.V. Koblenkova

At the beginning of the XXI century three parts of C. Larsson «Millennium» were published. Sensational novels aroused interest because the author-journalist clothed detective in the form of left-radical narrative about the outcome of building a social system in Sweden, known as the «people's house».

Keywords: Swedish literature, Stieg Larsson, trilogy «Millennium», identity, «people's house».

References

1. Daun Å. Svensk mentalitet. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1989. 269 s.
2. Chesnokova T.A. Shvedskaja identichnost'. Izmenenie nacional'nogo mentaliteta. M.: RGGU, 2008. 185 s.
3. Hadenius S., Nilsson T., Åselius G. Sveriges historia. Stockholm: Bonnier Alba, 1996. 448 s.

4. Melin Ja., Juhanson A., Hedenborg S. Istorija Shvecii. M.: Ves' mir, 2002. 340 s.
5. Toshtendal' R. Rol' social-demokratii v razvitii industrial'nogo kapitalizma. Konec XIX–XX v. // Novaja i novejšaja istorija, 1997, № 2. S. 16–28.
6. Larsson S. Män som hatar kvinnor. Stockholm: MånPocket, 2005. 567 s.
7. Larsson S. Devushka s tatuirovkoj dra-kona / per. so shvedsk. A. Savickoj. M.: Jeksmo; SPb.: Domino, 2009. 624 s.
8. Larsson S. Flickan som lekte med elden. Stockholm: MånPocket, 2006. 631 s.
9. Larsson S. Devushka, kotoraja igrala s ognjom / Per. so shvedsk. I. Streblovoj. M.: Jeksmo; SPb.: Domino, 2012. 720 s.
10. Braun Je. Terjaet li Shvecija svoju «shvedskost»? // Bernstejn D., Kejzer de A., Hol'mberg D.-G. Tajna «Devushki s tatuirovkoj drakona» / Per. s angl. V. Je. Volkovskogo. M.: Jeksmo, 2012. S. 207–212.
11. Lindgren A. Pomperipossa i Monismanien [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.expressen.se/noje/pomperipossa-i-monismanien/?print=true> (data obrashhenija 05.04.2014).
12. Lindgren A. Znamenityj syshhik Kalle Bljunktist. Per. so shvedsk. N. Gorodinskoj-Vallenius. M.: AST, 2008. 188 s.
13. Omark K. Strukturnaja «zheleznaja kletka» ili pobeda srednego klassa // Sozdavaja social'nuju demokratiju. Sto let social-demokraticeskoy rabochej partii Shvecii. Pod red. K. Misgel'da, K. Mulina i K. Omarka. M.: Ves' mir, 2001. S. 537–540.
14. Pettersson Ja.-Je. Stig Larsson. Chelovek, kotoryj ushjol slishkom rano / Per. so shvedsk. O. Bochenkovej, Ju. Kolesovej. M.: Jeksmo; SPb.: Domino, 2011. 336 s.
15. Koblenkova D.V. Tema individual'noj svobody v shvedskom kinematografe // Mir shvedskoj kul'tury. M.: RGGU, 2013. S. 106–127.
16. Larsson S. Luftsloppet som sprändes. Stockholm: Norstedts, 2007. 704 s.
17. Larsson S. Devushka, kotoraja vzryvala voz-dushnye zamki. M.: Jeksmo; SPb.: Domino, 2012. 784 s.